

Евангельские христиане-баптисты: В поисках «корней»

Рецензия на книгу:

Кириллов Вячеслав. Меннониты и российские баптисты:
о догматическом влиянии анабаптизма на братство ЕХБ. —
Спб.: “Библейская кафедра”, “Библия для всех”, 2018. — 282 с.
ISBN 978-5-7454-1497-8

Уже само название этой книги невольно «цепляет» вдумчивого читателя, особенно из сообщества протестантов бывшего СССР. На обложке — портрет Менно Симонса, основателя церкви меннонитов.

В наши дни среди протестантов-славян заметно активизировался интерес к своим «корням», поиску религиозной идентичности. Многие верующие обращаются к истории христианства, изучают и анализируют духовное и культурное наследие своей конфессии. Но если раньше предтечами славянского протестантизма считались, в основном, средневековые «еретики» (например, стригольники) и отечественные сектанты, то теперь в центре внимания всё чаще оказываются течения Европейской реформации. С одной стороны, это скорее общественно-политическая, чем богословская закономерность (Европа сейчас «в тренде»), с другой — все конфессии русского (или шире — восточно-славянского) протестантизма действительно воз-

никли в результате развития Реформации, причём, её радикального крыла. От этого никуда не деться, хотя, конечно, при изучении генезиса славянского протестантизма нельзя забывать и о «ересях», и о влиянии отечественного сектантства.

История и наследие радикальной Реформации сами по себе заслуживают внимания. Но необычность книги ещё и в том, что В. Кириллов рассматривает эту тему в контексте отечественной истории. В дореволюционной России меннониты, последователи анабаптизма, оказали определённое влияние на первых русских баптистов. А в СССР Союз евангельских христиан-баптистов (ЕХБ) был не только крупнейшим, но и межконфессиональным протестантским объединением. В послевоенные годы, помимо евангельских христиан и баптистов, туда входили пятидесятники, дарбисты, трезвенники, меннониты...

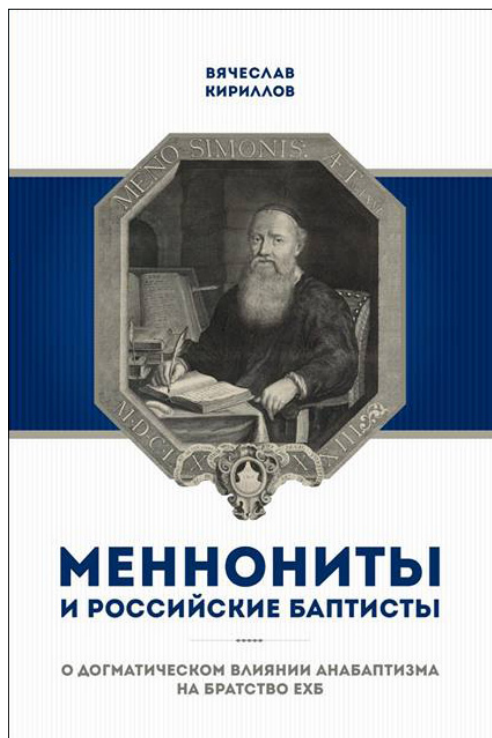
Можно по разному относиться к этому опыту, особенно учитывая контекст

эпохи, но безусловно эта часть протестантской истории заслуживает изучения, научного и духовного осмысления.

Книга «Меннониты и российские баптисты...» может заинтересовать и читателей Германии, Нидерландов, ведь в ней рассказывается, как жили их соотечественники-меннониты в России и какое влияние оказали на развитие русского и украинского протестантизма.

Книга В. Кириллова состоит из пяти глав, введения и заключения. Особый интерес представляет подробная библиография на нескольких языках, которая может быть полезна специалистам, христианским служителям и просто заинтересованным читателям, желающим расширить свои знания. Автор подробно рассматривает учение анабаптистов, их требования к принимаемым в общину (рождение свыше и крещение по вере), условиям пребывания в ней — благочестивая жизнь, братская любовь, взаимопомощь и т.д. По мнению автора, такое сходство с принципами евангельских христиан-баптистов не случайно. Кириллов старается избегать путаницы в терминологии, разъясняя, что значили для анабаптистов и их последователей понятия: «община», «церковь», рождение свыше» и т. д. Не остаётся без внимания и печально знаменитое «Мюнстерское царство».

Автор справедливо отмечает неоднозначность мнений о миссионерской деятельности меннонитов (с. 66–67). И впрямь, дерево познаётся по плодам, а меннониты, прожив в России 200 лет, так и не вышли из рамок замкнутого этно-конфессионального сообщества, не оставили после себя ни одной рус-

ской меннонитской общины. Автор объясняет это законами Российской империи, запрещавшими иноверцам распространять своё учение среди православных. Разумеется, поселившись в России на выгодных условиях, о которых миллионы граждан могли только мечтать (земля, религиозная свобода, подобие национальной автономии и даже право не защищать своё новое отечество в случае опасности), меннониты были обязаны исполнять ответные требования правительства.

Но это только половина картины. Ведь помимо православных славян, Российскую империю населяли более 200 наций и народностей, большинство которых не исповедовали христианство даже формально. А российское правительство, ревниво пресекая попытки «прозелитизма» среди православных, не запрещало протестантам миссионерство среди «нехристианских»

народов. В XIX — начале XX вв. протестантские миссионеры не были в России редкостью. Достаточно вспомнить, например, деятельность Английской миссии на Алтае или служение гернгутеров среди калмыков. А уж миссию среди российских евреев перепробовали едва ли не все протестантские конфессии Европы и Америки (причём, не без успеха).

Так что если бы меннониты и впрямь хотели заняться миссией в России, они могли бы найти себе дело, не вступая в конфликт с государством. Но автор приводит лишь два случая миссионерского опыта меннонитов — в Западной Сибири и в Киргизии, что выглядит скорее исключением, чем правилом (особенно на фоне активного миссионерства других конфессий).

Значит, дело не в российских законах. Видимо, значительную часть меннонитов устраивало пребывание в этноконфессиональном гетто, где «чужаков» не ждали. От меннонитских общин веет замкнутостью, отстранённостью от окружающего мира, от страны, которая их приняла, от народов, её населяющих. Думается, не случайно обращение немцев-хозяев с работниками-славянами в меннонитских колониях (т. н. «естественная евангелизация» — с.271) пробуждало в первых вожаках славянского штундизма комплекс национальной неполноценности: они начинали носить «немецкую» одежду, избавлялись в своих домах от «всех традиционных украинских украшений» (с.79), т. е. даже внешне отдалялись от своего народа. Хотя, казалось бы, что «греховного» в красивых рушниках, вышивках или весёлой росписи на печках...

Да, меннониты вели упорядоченный образ жизни, регулярно читали Библию, но это не мешало кому-то из них избивать или увольнять православных работников за отказ трудиться в дни праздников (с. 79), проявлять национальное и религиозное чванство. Не отсюда ли ответная неприязнь местных жителей (с. 65)? В советское время меннонитские общины остались замкнутыми сообществами, а после распада СССР исчезли в результате массового выезда немцев.

Но было бы несправедливо определять меннонитов только как изолированную секту. Во второй половине XIX — начале XX вв. в меннонитском сообществе наблюдались другие процессы: некоторые служители искренне откликались на духовную жажду русского народа, рисковали благополучием и свободой ради служения Богу и людям. Они становились проповедниками, создателями и руководителями первых русских общин, правда... уже не меннонитских, а баптистских. Сами они в этих случаях выпадали из меннонитского сообщества. Например, пресвитер русской баптистской общины в г. Самаре Яков Винс, по происхождению голландец-меннонит из Поволжья, стал видным деятелем Союза баптистов, родоначальником уже не меннонитской, а баптистской семейной династии. Его сын Пётр, женившийся на русской девушке, тоже известен как видный баптистский служитель. В дальнейшем история этой семьи, трагическая и героическая, стала частью истории славянского протестантизма.

Трудно не согласиться с автором книги, что баптисты по сравнению с меннонитами более открыты, демократич-

ны, что во все времена они не оставляли благовестия — даже если рисковали ради этого свободой и жизнью, что баптистские общины по составу и духу интернациональны. Во времена жестоких гонений баптисты СССР, ради самозащиты, могли исповедовать социальный изоляционизм, но никогда — изоляционизм национальный или расовый.

Словом, книга раскрывает немало интересных фактов, побуждает читателей к размышлениям. И всё же главный вывод автора, что анабаптисты через меннонитов оказали значительное влияние на братство ЕХБ, представляется не вполне убедительным. Конечно, те меннонитские служители, что присоединились к баптизму, оказали на него влияние. Но одновременно влияние оказывали и молокане, и православные, и представители других течений. Сам же баптизм к середине XIX века был вполне самостоятельной конфессией, существовавшей более 200 лет. Общины баптистов имелись и в Российской империи. Поэтому остаётся неясным, можно ли говорить о последовательном догматическом влиянии именно меннонитов, или евангельско-баптистское учение и церковная практика формировались эклектически, под воздействием многих религиозных идей, которые тогда «носились в воздухе».

Во-вторых, возникает вопрос: а были ли известны в братстве ЕХБ хотя бы некоторые труды по истории анабаптизма и богословию этого направления? Ведь, к сожалению, даже в наши дни богословская начитанность не является сильной чертой евангельских христиан-баптистов, а в советское время этому имелись вполне понятные причины.

В книге встречаются некоторые недочёты. Например, не дано объяснение важным и часто употребляемым понятиям «евангельское движение», «евангельские верующие». На обороте титульного листа отсутствуют выходные данные книги. В заглавии использована аббревиатура «ЕХБ», хотя, думается, здесь более уместно развёрнутое наименование — «евангельские христиане-баптисты». Содержание главы 3 «Переселение меннонитов в Россию при Екатерине II и Александре I. Первые контакты» не соответствует своему названию. Из 29 страниц (с. 61–89) о переселении рассказывается лишь на первых пяти. Далее автор переходит к середине XIX века, а затем и к началу XX века. Хотя представленный материал весьма интересен, он не имеет отношения ни к эпохе Александра I, ни тем более Екатерины II.

В. Кириллов заканчивает книгу похвалой в адрес современных протестантов-славян, изучающих исторический опыт своих предшественников. Он задаётся вопросом: «Если о католиках сегодня мало кто судит по средневековой инквизиции, а о протестантах — по суровым обыкновениям кальвинистской Женевы, то почему к анабаптистам до сих пор применяют другие стандарты?» (с. 275).

Анабаптисты — тоже протестанты. И католикам до сих пор припоминают инквизицию. Но речь сейчас не об этом. Вопрос автора вполне закономерен. Что могут сделать «анабаптисты», чтобы современное общество судило о них по добрым плодам, а не по ошибкам или стереотипам прошлого?

Например, католики всерьёз переосмыслили свою историю. Открыты для исследователей архивы Ватикана.

Жанна Д'Арк причислена к лику святых. Проведён Второй Ватиканский собор, изменивший весь облик современного католицизма, сняты анафемы 1054 г. Наконец, в лице своих руководителей католики принесли покаяние за инквизицию и другие жестокости...

Менее известно, как совершается «работа над ошибками» у кальвинистов. Однако в Женеве поставлен памятник врачу и мыслителю Мигелю Сервету, когда-то казнённому здесь не без помощи Ж. Кальвина. Значит, и реформаты меняют отношение к своему прошлому.

Что же должны сделать евангельские христиане-баптисты, если считают себя духовными преемниками анабаптистов? Собственно, никто не требует от протестантов-славян, никогда не отличавшихся общественно-политической активностью, посыпать голову пеплом за Мюнстерскую коммуну или крестьянскую войну в Германии XVI в. У нас достаточно своих ошибок и нерешённых проблем, более близких исторически и географически. Например, до сих пор не произошло формального примирения между евангельскими христианами-баптистами «официальных» союзов ЕХБ постсоветского пространства и Международного Союза Церквей ЕХБ (инициатив-

никами). Не дана духовная оценка неоднозначному опыту пребывания в Союзе ЕХБ пятидесятников и представителей других конфессий. Нельзя назвать преодолённым и кризис 2014 года... А чтобы в странах бывшего СССР не доминировали негативные представления о «сектантах», надо издавать объективные книги, снимать документальные и художественные фильмы... И, конечно, больше делать для увековечения памяти героев веры.

«Итак, смотрите, поступайте [...] дорожа временем, потому что дни лукавы» (Еф.5:15–16). Благодатное время нам дано и для того, чтобы разобраться в своих «корнях», осознать свою преемственность с христианами прежних эпох, изучить и мудро использовать исторический опыт, распутать «узлы», до сих пор препятствующие развитию протестантизма в Восточной Европе.

Вот такие мысли возникли у меня при прочтении книги Вячеслава Кириллова «Меннониты и российские баптисты: о догматическом влиянии анабаптизма на братство ЕХБ».

*Татьяна Никольская,
старший преподаватель
Санкт-Петербургского христианского
университета, кандидат исторических
наук, член Союза писателей России.*